

РУССКО-ЕВРОПЕЙСКИЙ ДИАЛОГ: СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС

Анна Александровна Доронина

аспирантка школы философии НИУ ВШЭ,
стажер-исследователь в Международной лаборатории исследований
русско-европейского интеллектуального диалога (НИУ ВШЭ)

E-mail: adoronina@hse.ru

RUSSIAN AND EUROPEAN DIALOGUE: CONTEMPORARY DISCOURSE

Anna Doronina

Postgraduate student of School of Philosophy in National Research University
"Higher School of Economics", Research Assistant in the International Laboratory
for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue (HSE)

E-mail: adoronina@hse.ru

Обзор посвящен рассмотрению книг сотрудников Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога: профессора НИУ ВШЭ В. К. Кантора, профессора НИУ ВШЭ О. А. Жуковой и преподавателя НИУ ВШЭ Е. В. Бессчетновой, опубликованных в 2017 г. Книги объединены общим стремлением авторов показать взаимодействие русской и европейской культур в области философского и художественного творчества, однако каждая из работ имеет собственную тематику, а также оригинальный модус формирования исследовательских задач. Книга В. К. Кантора «Изображая, понимать, или *Sententia sensa*: философия в литературном тексте» раскрывает перед читателем сущностную связь литературы и философии. В книге «Философия русской культуры: метафизическая перспектива человека и истории» О. А. Жукова демонстрирует целостность культурной, религиозной и социально-политической истории России, а также актуализирует проблему преемственности культурно-исторического опыта для современной философии культуры. В книге Е. В. Бессчетновой «Владимир Соловьев и Константин Леонтьев о бытии России: в предчувствии катастрофы» реконструирован философский диалог Вл. С. Соловьева и К. Н. Леонтьева о настоящем и будущем России и ее культуры.

The article is devoted to the review of the latest books by the staff of the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue: Professor of HSE V. K. Kantor, Professor of HSE O. A. Zhukova and lecturer of HSE

E. V. Besschetnova, published in 2017. The books are united by the common desire of the authors to show the interaction of Russian and European cultures in the field of philosophy and art. However each work has its own theme, as well as the original mode of forming research tasks. The book by V.K. Kantor “Understand by Portraying, or *Sententia sensa*: Philosophy in a Literary Text” reveals the essential connection between literature and philosophy. In the book “The Philosophy of Russian Culture: Metaphysical Perspective of Man and History” O. A. Zhukova demonstrates the integrity of the cultural, religious and socio-political history of Russia and actualizes the problem of continuity of cultural and historical experience for the modern philosophy of culture. In the book by E.V. Besschetnova “Vladimir Soloviev and Konstantin Leontyev about Being of Russia: in Anticipation of a Catastrophe” the philosophical dialogue of Vl. S. Solovyov and K. N. Leontiev on the present and future of Russia and its culture is reconstructed.

Ключевые слова: русско-европейский диалог, культура, русский европеизм, русская философия, европейская культура.

Keywords: Russian and European dialogue, culture, Russian Europeanism, Russian philosophy, European culture.

Студенческий альманах «Философические письма», первый номер которого вышел в 2012 г., а последний, четвертый, — в 2016-м, был призван пробудить студенческую мысль, как чаадаевские письма разбудили русскую мысль. Новый журнал «Философические письма. Русско-европейский диалог» призван перевести поставленные ранее студентами вопросы в модус серьезного научного дискурса. Студенты и преподаватели выступают в качестве коллег. Более того, в последние два года в университетской философской жизни произошли серьезные изменения. Уже два года в НИУ ВШЭ существует Международная лаборатория русско-европейского интеллектуального диалога; она провела уже шесть крупных научных конференций с участниками из разных стран. Соответственно, новый журнал призван отражать также и деятельность лаборатории.

В нашем обзоре мы расскажем о трех новых книгах сотрудников лаборатории, чтобы познакомить читателя с частью тем, проблем и вопросов, решению которых посвящена деятельность лаборатории.

В 2017 г. были опубликованы следующие монографии сотрудников Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога: книга д.ф.н., ординарного профессора НИУ ВШЭ **Владимира Кантора «Изображая, понимать, или *Sententia sensa*: философия в литературном тексте»** (М.: ЦГИ Принт); книга д.ф.н., профессора НИУ ВШЭ, заместителя за-

ведущего Международной лабораторией исследований русско-европейского интеллектуального диалога **Ольги Жуковой «Философия русской культуры: метафизическая перспектива человека и истории»** (М.: Согласие) и книга к.ф.н., преподавателя НИУ ВШЭ **Елены Бессчетновой «Владимир Соловьев и Константин Леонтьев о бытии России: в предчувствии катастрофы»** (М.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга). Монографии специалистов в области русской философии, философии культуры и литературы не только раскрывают историко-философские проблемы, но также обозначают и актуализируют вечные вопросы, приобретающие новые свойства и значения в современном мире. Это дает читателю ясное представление о том, что полилог культур и традиций, наблюдаемый нами сегодня, имеет глубокие корни.

Книга заведующего Международной лабораторией исследований русско-европейского интеллектуального диалога **В. К. Кантора «Изображая, понимать, или *Sententia sensa*: философия в литературном тексте»** состоит из множества статей, рецензий и интервью, объединенных замыслом и посвященных литературе в широком культурном и философском контексте.

Сегодня литературоведение рассматривает литературу в разнообразных контекстах: социальных, исторических, культурных. В этом отношении данная книга находит законное место среди современных подходов. Однако специфика труда Кантора заключается в том, что автор анализирует ряд великих произведений как зарубежной, так и отечественной литературы, составивших канон европейской культуры, в широком философском контексте. Философ прослеживает не только «горизонтальные» связи каждого произведения, неизбежно соотносящегося с другими в рамках «большого времени», но и показывает сложную, многогранную перекличку литературы и философии. В основе авторского подхода лежит особое понимание литературы и философии как сущностно связанных областей духовного творчества. Философия приобрела литературную форму уже у Платона, но дело еще и в том, что литература есть особый способ мышления, и как таковая она необходимым образом связана с философией. Кантор исследует не формальное, а содержательное соотношение литературы и философии. Философский разум не сводится к схеме естественнонаучной рациональности, философскому мышлению также принадлежит интуиция, дающая чувственный образ предмета. Однако в области литературы мышление становится преимущественно чувственным, добираясь до оснований человеческого духа, недостижимых для абстрактно мыслящего рассудка. Подобное понимание литературы и философии нашло выражение в романтической школе, например у Ф. Шлегеля, а в XX в. обрело новую жизнь в философии позднего М. Хайдеггера и его последователей. Таким образом, книга Кантора находится в русле современной философии, открывающей литературу как «свое иное».

Поэтому в заглавии книги — *sententia sensa*, «чувствуемая мысль». Несмотря на то что идея, стоящая за этой формулой, универсальна и относится ко всей европейской культуре, а значит, и к русской литературе как ее части, к последней она применима в особой степени. Философское содержание классической русской литературы XIX в. было открыто в Серебряном веке, и это открытие стало ответом на долгие споры о самобытности русской мысли: она должна была найти собственную форму, адекватную тому содержанию, которое составило бы необходимую «положительную» сторону общего критического проекта русских философов. Вл. С. Соловьев искал иных путей для русской мысли; она должна была стать «другим началом» по отношению к традиции западно-европейской философии. Так же как Л. И. Шестов, Кантор видит это начало в литературе; в ней «русская философская мысль с почти небывалой до того смелостью поставила и по-своему разрешила целый ряд вопросов, о которых в Европе мало кто думал или хотел думать» (Кантор, 2017: 11). Демонстрации этого посвящена часть книги, относящаяся непосредственно к отечественной словесности.

Структура книги отражает ход исторического процесса. Первая часть, озаглавленная «Свет бытия», задает общую тональность работы. В ней проявляются все темы, разработанные в последующих главах. Это проблемы зла в человеческой природе, искупления и искушения, вечно-женственного как источника теодицеи. Глава начинается с рассмотрения фигуры Гамлета, и не только потому, что эту пьесу Шекспира автор относит к трем основополагающим произведениям европейской литературы (наряду с «Божественной комедией» Данте и «Фаустом» Гете). Еще одна причина — что сознание Гамлетом «разрыва времен», его трагическое переживание века, «вывихнувшего сустав», оказывается созвучно катастрофическому опыту XX в., осмысленному в исследовании. Гамлет в интерпретации Кантора предстает протестантом и «христианским воином», его устами говорят Лютер и Эразм Роттердамский. Более того, в «Гамлете» (как и в «Фаусте») ясно проявляется тема отношений с потусторонним миром: сцену явления призрака Кантор понимает как соприкосновение с дьявольским началом. Это позволяет понять близость Шекспира к Данте, который «изобразил потусторонний мир так, что на него показывали, как на человека, повидавшего ад» (Кантор, 2017: 290). На русской почве эта тема возникает у Ф. М. Достоевского — первого русского мыслителя, заново поставившего, как считает Кантор, традиционные проблемы европейской христианской философии, а именно проблемы исповеди и теодицеи. Таким образом, Достоевский предстает в книге Кантора основателем русской экзистенциальной философии. Множественные параллели и связи между различными произведениями литературы и философии, обнаруженные Кантором, создают многомерную карти-

ну, и на ней русская литература и философская мысль находят каждая свое место, не теряя самобытности.

Вторая часть книги начинается с рассмотрения и сопоставления идей Н. М. Карамзина и А. С. Пушкина — ключевых фигур для авторской артикуляции идеи русского европеизма. Карамзин, согласно Кантору, ввел Россию в историю, сделав ее частью общеевропейского исторического процесса, более того, России была отведена роль спасительницы Западной Европы от монголо-татарского нашествия. Автор отмечает, что эта роль стала впоследствии парадигмальной для самосознания русской культуры в отношении к западноевропейской. Как оригинальный мыслитель и историк, Карамзин формировался в своих диалогах с И. Кантом, И. Г. Гердером, К. М. Виландом; его становлению также способствовала рефлексия гибели идей Просвещения в якобинском терроре. Кантор прослеживает путь Карамзина от республиканца, несколько наивного приверженца западного Просвещения, до сторонника просвещенного самодержавия и свободы человека, не зависящей от политического устройства. В Карамзине, а также в Пушкине и Чаадаеве, Кантор видит своего рода прототипы культурно-исторического типа «русского европейца».

Однако внешне исторический процесс шел к исходу, предсказанному Достоевским: краху российского государства и высвобождению низменных сил человеческой природы, ведущих к утверждению тоталитаризма как в России, так и на Западе, и к появлению массового человека как нового антропологического типа. В этой связи Кантор обращается к самому разнообразному литературному материалу — к письмам М. Горького, направленным против Достоевского, и их анализу у Ф. А. Степуна, к романам Ф. Кафки (в них ужас, если понимать его по Хайдеггеру, становится основным настроением), к антиутопиям Е. И. Замятина и Дж. Оруэлла, к изображению сталинского «большого террора» в «Слепящей тьме» А. Кёстлера.

В третьей, завершающей части, осмысляющей падение человека и забвение разума, автор показывает, что в произведениях таких писателей, как, например, Дж. Конрад и У. Фолкнер, содержится опыт человека, способного пережить крах цивилизации, сохранив при этом человечность. Предметом рецензий, представленных в этой части книги, стали произведения, показывающие веру в человеческое усилие перед лицом превосходящей все человеческое силы: это «Потерянная честь Катерины Блум» Г. Бёлля, «Плавучий маяк» З. Ленца, «Властелин колец» Р. Р. Толкина и ряд других.

Число сюжетов, которых касается в своей книге Кантор, невероятно велико; обширен и привлеченный им литературный и философский материал. Автор выстраивает в тексте обширное, многомерное пространство для диалога России и Запада, литературы и философии.

Концепция литературы в ее отношении к философии, определившая методологическую направленность исследования, является в то же время и одним из ее основных результатов. Это нормальный когнитивный процесс для гуманитарной сферы. На обширном материале Кантор показывает действительное родство двух способов мышления — философского и художественно-литературного, направленных к решению одних и тех же экзистенциальных проблем и вдохновляющихся интуициями друг друга. Убедительным является вывод автора: русская классическая литература приобрела в рамках широкой общеевропейской культуры подлинно философское направление. Книга стала не только интересным философско-литературным опытом, но и развернутым размышлением о вечных вопросах бытия и о судьбе России в мировой истории.

В книге **О. А. Жуковой «Философия русской культуры: метафизическая перспектива человека и истории»** рассматривается философская проблематика феномена русской культуры. Под русской культурой автор понимает исторические формы существования традиции, будь то религиозная, художественная или социально-политическая. Новая книга представляет оригинальный подход к рассмотрению культуры, вбирает в себя множество тем и проблем, касающихся культурного, религиозного опыта России, охватывающих исторический период от Древней Руси до середины XX в. Круг «русских» вопросов, поднимаемых в книге, включая связанные с философией и искусством, не может не пересекаться с кругом вопросов «европейских», недаром подзаголовок книги — «Метафизическая перспектива человека и истории».

Русская культура, безусловно, уникальна и оригинальна, однако она не замкнута и существует в ряду других. Благодаря христианскому наследию проблемы и принципы, на которых она выстраивается, во многом те же, что и в Европе. Главную задачу будущего русской культуры Жукова видит в «последовательном отстаивании целостности культурного предания России» (Жукова, 2017: 604). Именно целостность полотна истории русской культуры и призвана показать монография. Автор предлагает рассматривать историю культуры как интеллектуальную, тем самым открывая путь к ее творцу — человеку «как социальному агенту и субъекту исторического развития» (Жукова, 2017: 19).

Монография состоит из двух разделов, демонстрирующих два направления философского исследования русской культуры.

Первый посвящен анализу русской культуры как преемственной. Центральная идея автора заключается в том, что исток культуры есть вместе с тем и ее цель, предмет стремления. С этой точки зрения русская культура имеет единое основание с европейской ввиду их общего истока — христианства и Античности. Анализ показывает, что сложное развитие русской культуры во всех ее

формах, со всеми ее темами так или иначе находит источник в «амбивалентности» обоих порождающих начал.

Как показывает Жукова, русская культура берет начало в книжности Древней Руси, восходящей к XII в., а также в опыте храмостроения и иконописи. Таким образом, полагая в качестве основания христианскую религию византийского образца, зарождающаяся культура России формировала собственный путь, оригинальную интерпретацию христианской традиции. И если в живописи и архитектуре присутствует наследование византийских канонов, то в литературе появляется уникальное слово-образ. Древнерусская культура, в интерпретации Жуковой, формирует образ святости, сочетая «эстетически прекрасное» и «этически доброе», поэтому так важен именно художественный образ, скрывающий «духовную информацию о мире» (Жукова, 2017: 31). Поэтому икона объединяет в себе несколько функций: «онтологическую, гносеологическую и дидактическую» (Жукова, 2017: 45). Жукова доказывает, что древнерусская эстетика благодаря своим функциям и задачам может быть названа эстетикой онтологической.

Третья глава первого раздела посвящена рассмотрению нравственного аспекта русской культуры, сформированного христианством. Тема греха становится центральной и, как показывает автор, проходит через всю историю русской культуры. Жукова делает важный для понимания религиозной традиции вывод: «религиозная этика... есть религиозная онтология и антропология, усвоенная и истолкованная практически» (Жукова, 2017: 65). Интересно, что, показывая процесс формирования образа святости и греховности в православном христианстве, автор наряду с древнерусскими источниками подробно рассматривает восточные и западные. Тема борьбы человека с грехом и страстями была наследована русским фольклором, а впоследствии — русской философией, классическим искусством и литературой.

В четвертой главе автор переходит к рассмотрению русского музыкального искусства XIX–XX вв. Оно находится, по ее мнению, в одной духовной традиции с культурой Древней Руси. Творчество рассматривается в качестве духовной практики, цель которой совпадает с целью «православного типа духовности», и отечественная музыка — ярчайший пример взаимодействия религии и искусства. Жукова рассматривает творчество таких композиторов, как А. К. Глазунов, В. С. Калинин, С. И. Танеев, Н. К. Метнер, А. Д. Кастальский, П. Г. Чайковский, Н. Я. Мясковский и др., в том числе современных музыкантов. Для автора принципиально важно проследить преемственность традиции с целью показать, что прошлое не становится только артефактом, но актуализируется в будущем.

Касаясь феномена русской живописи, автор замечает, что пейзажная школа живописи и даже русская марина как жанр формировались в контексте рус-

ско-итальянского культурного диалога. Автор показывает, что ряд замечательных русских художников XIX–XX вв. — в их числе М. Н. Воробьев, И. К. Айвазовский, А. П. Боголюбов и др. — вдохновлялись Римом, Неаполем, Сорренто, Амальфи. (Город Амальфи — объект особого культурно-исторического интереса Жуковой. В 2015 г. была опубликована монография, написанная ею в соавторстве с А. А. Кара-Мурзой и М. Г. Талалаем «Русские в Амальфи. Средиземноморские очарования и истории жизни».)

Противопоставив себя классической культуре предшествующей традиции и фактически разорвав «преемственность творческого самосознания авторов русской культуры», этот период хронологически совпал с кризисом в политической и социальной жизни России (Жукова, 2017: 252). Искусство, словно вызванное на помощь самой жизнью, реагировало новыми формами и темами. Автор отмечает усиление эстетической и мистической тенденций, а также подчеркивает «художественно-философскую» сторону эпохи. По мнению Жуковой, «смыслообразующая идея русского авангарда — идея (интуиция) единства» (Жукова, 2017: 231). Такое единство не целокупно, оно многосоставно и представляет собой систему, которой можно управлять, ориентируясь в ней. Однако, с точки зрения автора, такой подход к искусству грозит утопией: проект авангардистов реализуем только внутри мифа, иначе оторванная от культурной традиции личность не сможет сохранить целостность. Характерная для постклассики и постнеклассики смена метафизической перспективы, забвение трансцендентного способствуют переосмыслению роли художника-творца. Классическая теургическая художественная установка — сотворчество с Богом, рассмотрение способностей как дара свыше — заменяется идеей самостоятельного величия художника.

Сложный и многогранный XX век во многом разрывает традиционную преемственность русской культуры. Однако в отечественном искусстве сохраняются и явления, соответствующие классике, преобразующие ее подходы для современности. В качестве примеров предлагается творчество Б. Л. Пастернака и М. А. Булгакова, а также фильмы С. М. Эйзенштейна и А. А. Тарковского.

Второй раздел книги посвящен рассмотрению русского европеизма. Его представители мыслили русскую и европейскую культуру как вечных спутников. Автор блестяще передает идею русского европеизма, заключающуюся в восприятии европейской культуры как «своего-другого национальной культуры» (Жукова, 2017: 20). Исследуя творческие биографии и основные теоретические концепты мыслителей русского европеизма, Жукова показывает, что жизнь и творчество ряда русских мыслителей могут быть репрезентативны для русской культуры, а через частные примеры, факты, определенные связи и диалоги культура и находит свое выражение. Так, на примере творчества Карамзина по-

казан своеобразный источник русской словесности. А творчество Н. В. Станкевича, деятельность его кружка рассматриваются как пример рождения философии из опыта личности. Станкевич сравнивается с Сократом — настолько велико значение этой фигуры для становления русской философской мысли. Действительно, Станкевич и его круг сформировали определенный тип русского интеллектуала, определивший становление русского европеизма, одновременно способствовавший появлению русской философской школы.

Особое место в книге занимают главы о деятелях русской эмиграции, чьи имена становятся все более широко известны русской публике; однако они пользуются все же меньшей популярностью в сравнении с другими мыслителями. Жукова отмечает, насколько важным для осмысления современных вопросов и проблем является их творчество. Либеральный консерватизм Г. П. Федотова, В. В. Вейдле, П. Б. Струве совмещает идеи политического обновления и культурного сохранения. Автор показывает, что у каждого из этих мыслителей были не только яркие работы и идеи, актуальные для социально-политической ситуации их эпохи, но также оригинальные философские системы в области эстетики, философии культуры, религии.

Рассматривая историю русской культуры, ее развитие и становление в лоне общеевропейских христианских ценностей, автор ставит перед читателем, стремящимся осмыслить образ и форму национальной культуры в ее взаимодействиях с другими традициями, вопрос о современной роли российской культуры, ее значении для Европы, а также, что принципиально важно, для самой себя. Что значат сегодня, после М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, С. Л. Франка, Н. А. Бердяева вопросы бытия культуры, причем европейской культуры? Восстановление целостности культурной традиции России и Европы сегодня возможно лишь вместе с восстановлением «метафизического мировоззрения», то есть способности человека и нации «осознавать себя в бытии» (Жукова, 2017: 603). Жукова также ставит вопрос о продолжении духовной традиции Руси и России, современном осмыслении наследия культуры. Насущность проблем (касающихся как исторической памяти, так и социальной ситуации в России и мире), обозначенных автором, делает книгу по-настоящему актуальной и способствующей появлению новых перспектив для дискуссий.

Книга **Е. В. Бессчетновой**, заместителя заведующего Международной лабораторией исследований русско-европейского интеллектуального диалога, «**Владимир Соловьев и Константин Леонтьев о бытии России: в предчувствии катастрофы**» посвящена диалогу двух из наиболее ярких фигур русской философии. Имя Вл. С. Соловьева, безусловно, имеет философское, мировоззренческое значение вплоть до настоящего времени. Благодарный Серебряный век, заряженный и оплодотворенный его идеями, оставил после себя большое

количество посвящений философу, в какой бы форме они ни появились. Нет ничего удивительного и в том, что сегодня без ссылки на Соловьева не обходится практически ни одна философская работа, так или иначе касающаяся русской мысли, ведь в философии Соловьева все — и система, и диалектика, и поэзия. К. Н. Леонтьев по праву занимает место рядом с Соловьевым. Непонятый современниками, он признан потомками и предстает в интерпретации Бессчетновой величайшим мыслителем и поэтом-мечтателем.

Центральное положение в книге занимает вопрос о «бытии России», что находит отражение в заглавии. Вопрос этот неохватен и многолик; автор находит способ его заострить, для чего адресует настоящему и будущему русской культуры. Так, читателю становится понятно, что в книге актуализируется классическая для русской философской мысли проблема «бытия России», волновавшая еще «архивных юношей», западников и славянофилов, почвенников. Актуализируется, однако, для того, чтобы теперь, опираясь на опыт предшественников, можно было искать ответы на насущные вопросы, занимающие не только философов и историков, но и всех тех, кому не безразличен вектор развития России и ее культуры.

Автор работает в достаточно сложном жанре — сопоставлении двух ключевых для русской философии фигур. Более того, идеи Соловьева и Леонтьева не настолько контрастны, чтобы их можно было легко сопоставить; однако они также далеко не совпадают. Кроме того, философские биографии мыслителей включают разные периоды, и каждый характеризуется пересмотром прежних взглядов, зачастую отказом от прошлого.

Автору важно показать, что Соловьев и Леонтьев, будучи такими разными, переросли идеи чистого славянофильства и западничества. Их вывод относительно социально-культурной характеристики будущего России до некоторой степени един: для подлинного основания «присоединения» России к Европе необходимо восстановление целостности христианства. Здесь неминуемо возникает тема русского европеизма, медиума, призванного примирить западников и славянофилов. Чтобы понять феномен русского европеизма, необходимо признать: классическая русская культура впитывает общеевропейские ценности (конечно, находящие основание в христианстве). Однако идеи Соловьева и Леонтьева обращены не только к своей стране. Они приобретают мировые масштабы, ведь русский европеец призван сохранить не только Россию, но и Европу.

Первая глава книги вводит читателя в интеллектуально-творческую биографию Соловьева. Автор показывает, что религиозно-философские взгляды ученого есть продолжение его жизни и вся его биография проникнута религиозным пафосом. Интересно, что в первом разделе главы Бессчетнова раскры-

вает перед читателем образ Соловьева через несколько приписываемых ему «ликов», и каждый из них, безусловно, подчеркивает его преданность христианству. При этом автор обращается к нескольким философам-современникам Соловьева, не согласным с его идеями, что позволяет еще более ярко обозначить особенные черты восприятия христианства Соловьевым. Выделяя три периода в творчестве Соловьева, автор замечает, что последний период (вторая половина 1890-х гг.) характеризуется полемикой с Л. Н. Толстым. Точка несогласия и важный вопрос, волновавший Соловьева этого периода, — реальность (отдельное, настоящее существование) зла. Из решения этого вопроса вытекают другие тезисы философа, касающиеся государства, армии, войны и т. д. Характерно, что война рассматривается Соловьевым как явление не только неизбежное, но и в той или иной степени способствующее миру — в этом его концептуальное различие с тезисами Толстого. Конечное основание для победы над злом заключается в Боге.

Несогласие Соловьева с Шестовым основывалось на нескольких положениях, в том числе на вопросе о статусе веры. Если для Соловьева вера — оплот знания, то для Шестова она не есть знание или незнание, но «экзистенциальный акт бытия» (Бессчетнова, 2017: 38) (Шестова, как и Бердяева, принято относить к философам-персоналистам).

Вторую главу книги Бессчетнова посвящает Леонтьеву. Здесь центральное место отводится рассмотрению «эстетизма» Леонтьева. Также показаны метаморфозы его творческой жизни и мировоззрения. Леонтьев, в отличие от Соловьева, приходил к христианству и его ценностям постепенно, поэтому формулировка основных тем его философии, сопоставимых с соловьевскими, произошла не сразу. Бессчетнова подробно рассматривает период формирования идей и взглядов Леонтьева; так, читатель узнает об эволюции его эстетических, политических, социальных и религиозных взглядов. Автор замечает, что эстетические взгляды Леонтьева перекликаются с идеями Соловьева и Н. Г. Чернышевского. Для них конечная форма прекрасного, его настоящая сущность — жизнь, и если так, заключает Бессчетнова, то корни этого убеждения по-настоящему христианские, так как жизнь в христианстве — высшая ценность. Примечательно, что автор также касается основных философских увлечений Леонтьева, например, отдельно рассматриваются идеи А. И. Герцена, Дж. С. Милля. Бессчетнова отмечает, что Леонтьев — «маяк» Возрождения в эпоху позитивизма в России.

Третья глава посвящена анализу точек соприкосновения философских идей Соловьева и Леонтьева. Исследование затрагивает биографические данные, переписку, культурно-творческую среду, в которой взаимодействовали философы. Формальная противоположность идей Соловьева и Леонтьева не мешала

их диалогу, объединению способствовала общая сверхинтуиция, общая направленность мысли. С целью показать уникальность и самостоятельность философских систем Соловьева и Леонтьева Бессчетнова отдельно рассмотрела творчество каждого.

В заключительной главе книги рассматривается поздний период творчества философов, окрашенный интуицией конца, предчувствием катастрофы. Однако, как показано читателю, эсхатологические настроения знаменовали лишь глубокий кризис, но не крах русской культуры; надежду на преодоление кризиса и восстановление культуры давало сохранение общеевропейских христианских ценностей.

Бессчетнова включает в свою работу эпиграфы, поэтические тексты, сюжеты биографии, не только не мешающие чтению, но, наоборот, погружающие читателя в контекст и делающие его свидетелем эпохи. Следует отметить, что книга может быть полезной не только специалистам, но и тем, кто хочет познакомиться с русской философской мыслью. Ключевые концепты автором пояснены, имеется обзор уже написанных по этой теме работ. Тезисы автора иллюстрируются цитатами мыслителей, а также исследователей их творчества.

В заключение хотелось бы добавить, что философское осмысление национальной культуры невозможно без «вертикального» (исторического) и «горизонтального» (поликультурного) контекста. Исследование культурных связей, переключек традиций позволяет оценить не только степень самобытности и уникальности отдельно взятой культуры, но и осознать, насколько близки могут быть культуры разных стран, насколько совпадают их интуиции. В этом смысле диалоги культур необходимы, чтобы объединяться в самом главном, в общей сверхзадаче. Как показывает опыт наших великих предшественников, имевших интеллектуальное мужество назвать себя и культуру своей страны причастной другой и в то же время подчеркивавших особенности своей традиции, русско-европейский диалог обладает неисчерпаемым потенциалом. Мы надеемся, что диалог русской и европейской культур будет продолжен в новых статьях нового журнала.

Литература

- Бессчетнова Е. В.* (2017). Владимир Соловьев и Константин Леонтьев о бытии России: в предчувствии катастрофы. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга.
- Жукова О. А.* (2017). Философия русской культуры. Метафизическая перспектива человека и истории. М.: Согласие.
- Кантор В. К.* Изображая, понимать, или *Sententia sensa*: философия в литературном тексте. М.; СПб.: ЦГИ Принт.

References

- Besschetnova E. V.* (2017). Vladimir Solov'yov i Konstantin Leont'ev o bytii Rossii: v predchuvstvii katastrofy. M.; SPb.: Centr gumanitarnyh initsiativ; Universitetskaya kniga.
- Zhukova O. A.* (2017). Filosofiya russkoj kul'tury. Metafizicheskaya perspektiva cheloveka i istorii. M.: Soglasie.
- Kantor V. K.* Izobrazhaya, ponimat', ili *Sententia sensa*: filosofiya v literaturnom tekste. M.; SPb.: CGI Print.